

Kosych, Galina

К вопросу о «концепции "положительно-прекрасного" человека» в творчестве Н.С. Лескова

Новая русистика. 2024, vol. 17, iss. 2, pp. 7-19

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/NR2024-2-2>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/digilib.81474>

Access Date: 21. 02. 2025

Version: 20250220

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

К вопросу о «концепции „положительно-прекрасного“ человека» в творчестве Н. С. Лескова

On the Issue of the “Concept of ‘Positive and Wonderful’ Human Being” in the Works by Nikolai Leskov

Галина Косых

(Градец-Кралове, Чешская Республика)

Abstract:

The article deals with the concept of “positive and wonderful human being” in the N. S. Leskov artistic creation, influenced by the writer’s theological focus, relating the time of the creation of the literary production and the stage of artistic evolution and worldview of the author. It is assumed that the Leskov concept of “a positive and beautiful person” was formed in the 80’s. Purposeful artistic-aesthetic aim for “a positive and beautiful” hero probably correlates with this period. In the 60’s–80’s the artist’s aim did not consist of depicting a positive (“a positive and beautiful”) / negative type but in artistic-aesthetic depiction of differential immanent features of “a Russian character”.

Key words:

N. S. Leskov; “positive and wonderful human being”; a saint; the Sanctoral cycle

*«Образ праведника как своего рода ключ
к преобразованию и переосмыслению образа человека и общества
является настоящим идейным центром лесковских произведений...»*

Иво Поспишил

[статьи]

Н. С. Лесков не вписывался в круг писателей, литературных критиков 60–70-х гг., стремившихся дать читателю непременно «нового героя», противопоставленного старым идеалам или хотя бы чем-то отличавшегося от прежней жизни: например, «лишнего человека», «новую женщину» и т. д. Обычно заслугу Лескова видят в том, что он в контексте литературного поиска положительного идеала своего времени создал своих «идеальных лиц», «положительных героев» — праведников, тем самым продолжив гоголевский поиск. Самому создателю праведнического цикла справедливо приписывают авторство «концепции «положительно-прекрасного» человека» [STOLJAROVA 1978, 6]. Ученик Гоголя, каковым себя считал Лесков, не мог не стремиться к подобной цели — дать читателю «положительный тип». Вместе с тем между стремлением и воплощением поставленной цели лежала огромная пропасть. Необходимо поэтому хронологически обозначить основные этапы в процессе появления упомянутой концепции «положительно-прекрасного человека», определить телеологическую установку художника.

В первые периоды своей литературной деятельности, а именно в период 60–70-х гг., Лесков никогда не заявлял о своем намерении выполнить то, что не удалось сделать самому Гоголю. Это и понятно. Писатель никогда не отличался большим самомнением, да к тому же подобные заявления в то «в высшей степени подозрительное время» могли быть грубо высмеяны невзлюбившей его критикой.

Из этого времени до нас не дошло никаких авторских признаний, свидетельствующих о творческом намерении писателя изобразить «идеальное лицо», что позволяет предположить, что лесковская концепция «положительно-прекрасного человека» сформировалась достаточно поздно, в 80-х гг. Следовательно, целеустремленный художественно-эстетический поиск «положительного-прекрасного» героя также относится приблизительно к этому же времени. В 60-х гг., а затем в период 70-х в творческой лаборатории писателя была иная телеологическая установка. Претендовать «довершить» дело Гоголя, дать читателю образ положительного героя в 60-х гг. представлялось делом абсолютно несостоятельным. Вовсе не ответственное отождествление с именем Гоголя или страх навлечь гнев критики удержали писателя от программных заявлений.

Писателя побудило к изображению прославивших его «антиков» не стремление «изобразить всего человека» по действующим к тому времени типичным трафаретам «плохой — хороший», «положительный — отрицательный». Наоборот, этого-то Лесков всегда, начиная с 60-х гг. и до конца своих дней, избегал. Разделение персонажей на «положительных» и «отрицательных» казалось ему неестественным и надуманным. Он относился к безусловному делению всех героев на «плохих» и «хороших» так же иронически, как и к сюжетной линии современного ему романа, где герой или «влюбился — женился», или «влюбился — застрелился». Для него, писателя «христианского типа», границы между положительной и отрицательной характерологией человека не были абсолютно непроницаемыми.

Телеологический статус произведений 60–70-х гг. и позднего времени можно охарактеризовать как непрерывный поиск и художественное преломление дифференциальных свойств русской природы — всего, что «относится к многосторонности и талантливости русского человека». Отчасти такую позицию можно объяснить тем, что Лесков начал свою литературную деятельность в период 60-х гг., когда от писателя требовали не поэтического воссоздания жизни посредством конструирования цельных характеров, образов, а «внешнюю фотографическую копировку действительности» «в форме фотографических снимков, небрежных эскизов, в форме отрывков из своих записных книжек, случайных заметок, диалогов, сцен» [BURENIN 1888, 301–302]. И лишь значительно позднее в писателе стали ценить «силу психического анализа», «способность создавать значительные типические образы». Современная Лескову литературная критика точно почувствовала и определила доминанту его творчества: умение рисовать необычных героев, «антиков», «чудаков» при полном небрежении к общепринятым требованиям типического. Так, автор статьи «*Современные литературные деятели. Николай Семенович Лесков*» (1890) А. И. Введенский приходит к парадоксальному выводу: «Необыкновенная сила психического анализа» писателя породила «разнообразные характеры, типы душевной жизни, душевного строя» [VVEDENSKIJ 1890, 396]. Значимость писателя, по мнению критика, ограничивается только «психологическими характеристиками», «значительные типические образы» ему недоступны. Заслуга художника перед литературой видится в соответствующем «силе» писателя таланте — «искании в русской жизни здоровых нравственных явлений» [VVEDENSKIJ 1890, 401]. Названный критиком «талант» — «искание в русской жизни здоровых нравственных явлений» — соответствует творческому замыслу писателя 60–70-х гг. Этот период с характерной для него концепцией праведности можно приблизительно ограничить 1863–1879 гг. Хронологические границы имеют в некотором смысле

условный характер, намечают рубежи художественной концепции творчества.

В 60-х гг. героями Лескова предпочтение отдается «правде практической земли», социальному переустройству общества. И в этом смысле номинация их «праведными» вполне правомерна, как и в отношении к героям 70-х. Разница между ними заключается в приоритетах их действия в мире: праведники 70-х стремятся к воплощению на земле евангельских заповедей, праведники 60-х действуют в десакрализованной плоскости общественного переустройства с целью утверждения между людьми большей справедливости, честности и т. д. Путь, выбранный ими в качестве идеала общественного служения, оказывается, по мысли писателя, ложным. Действующие в десакрализованной плоскости, оторванные от непосредственного руководства «правдой-истиной», положительные герои Лескова (Райнер, Лиза Бахарева, Помада, Овцебык и др.) в конце концов понимают, что «идти некуда».

Период 60-х гг. для Лескова стал периодом утверждения идейно-эстетической позиции — «идеалиста христианского типа» и, что представляет особую важность, временем зарождения всестороннего интереса к праведническому характеру в аспекте христианских традиций. Время первоначального возникновения праведников, озаменованное 60-ми гг., привело к последующему развитию категории праведности в 70-х, а затем в 80-х–90-х гг.

О целевой установке первых периодов литературной деятельности говорит сам Лесков, в частности, в краткой заметке в газете *«Новое время»* «О художном муже Никите и о совоспитанных ему» (1886 г.). Заметка, печатаемая «в прекрасные дни рождения Иисуса Христа», представляет собой своеобразный некролог о знакомом Лескову «изографе» крестьянского происхождения Никите Севастьянове Рачейском, ставшем прототипом изографа Севастьяна в *«Запечатленном ангеле»*, Флягина в *«Очарованном страннике»*, «серебряных дел мастера» в *«Монашеских островах на Ладожском озере»*, живописца Лаптева в *«Детских годах. (Из воспоминаний Меркула Праотцева)»* (произведений писателя первой половины 70-х годов).

«Рождественский некролог» типичен для творчества писателя, построен по подобию множества рассказов и повестей о, на первый взгляд, «незначительных событиях», но которые, по мнению автора, наиболее полно выражают имманентные свойства русского человека. В некрологе таким «незначительным событием» является так называемая «непостыдная совесть» простолюдина, «искусного мужика» Никиты. Дело в том, что, «помимо своего удивительного искусства, он был чрезвычайно честный человек» и «сумел еще укрепить свою честную репутацию смертью». Вследствие неожиданной кончины художника на руках хозяйки квартиры осталось множество ценных

заказов, а так как он по чисто русской наклонности никакой «бухгалтерии» не вел, то о точной принадлежности оставшихся по смерти икон никто не знал. «Честный во всех отношениях «искусный мужик» упорно и несомненно верил, что в решительный момент все люди непременно поступят не иначе как «по непостыдной совести», и поэтому в последний момент написал завещание: «Бери всякий свое по непостыдной совести [...]» [LESKOV 1886, 1–2]. «И никто не взял ничего ему не принадлежащего!.. все, даже самые не внушающие доверия люди, а также автор некролога «взяли только свое!». «Все дело сквитовано великолепно! — восхищается писатель, все получили свое, и никто ни чем не попользовался! [...]» [LESKOV 1886, 2]. Никита, по мнению Лескова, «показал таких русских людей, которых обыкновенно не замечают и об их «непостыдной совести» не говорят на свете». Это и другие свойства, которые относятся к многосторонности и талантливости русского человека, олицетворяют «русскую природу», представляют для Лескова непреходящий интерес, находятся в центре его художественного отображения жизни.

Разъясняя читателю это свойство совести русского человека, писатель дает своеобразное обоснование своего интереса к таким «мелкотравчатым», случайным, на первый взгляд, вещам. Лесков прекрасно понимает, что, «распыляясь» на поиск мелких дифференциальных свойств «русской природы», он тем самым не создает цельные, значимые (положительные или отрицательные) типы. Им руководит другая задача, поставленная перед ним И. С. Аксаковым. Не случайно поэтому с «завета» Аксакова писатель и начинает повествование о «непостыдной совести» «художного мужа Никиты»: «В переписке, которую я вел с покойным И. С. Аксаковым, у меня сохранилось одно письмо, где Аксаков писал мне: «[...] заповедь даю вам отмечать всякую оригинальную и высоконравственную черту наших простонародных нравов» [LESKOV 1886, 1].

Таким образом, в 60–70-х гг. Лесковым руководит не безоглядное желание дать литературе положительный тип русского человека. Его намерения куда более скромные. Он, как никто другой, соизмеряет свой талант со своими способностями и потому не намерен равняться силами с Гоголем, потерпевшим в этом неудачу. Аналитический разбор отдельных дифференциальных свойств имманентной духовной природы русского человека куда более напоминает «ученическую» позицию. В произведениях этого периода Лесков в отличие от Достоевского не выдвигает на первый план противоборство идей, обширных социально-философских концепций; он достиг своей цели — создание праведнического характера — опытным путем: идя от малого к постижению большего, от «мелкотравчатой» мелочи до уяснения феноменологии русского духа.

Следует оговориться, что Лесков не намерен идеализировать своих героев, находя только «высоконравственные черты» праведников. Его интересует все, что «оригинально», что «изнутри вышло», а «это, конечно, не значит, что всего хорошего следует ожидать только «изнутри». Совсем нет, но, однако, должно знать, как много есть хорошего «внутри». Поэтому писатель наряду с «непостыдной совестью», умением русского человека каяться и быстро, «как тесто на опаре», восходить к праведности, близостью его к божеству, одновременно рисует способности его к мошенничеству («Отборное зерно»), к пьянству («водить медведя», «посещать Ивана Ивановича Елкина») («Смех и горе», «Детские годы», «Очарованный странник»), к скаредности («Путимец») и т. д. В том же некрологе о Никите автор со свойственной ему последовательностью не ограничивается «рождественским» описанием одной лишь «непостыдной совести», а рисует цельный, неидеализированный образ «художного мужика» с далеко не высоконравственной склонностью к «гравировке» (пьянству), создает противоречивый образ, когда герой мог бы автохарактеризоваться словами «списанного» с него (Никиты) художника Лаптева: «Вы не первый сочли меня за сумасшедшего; почитайте меня таким, ибо я и в самом деле таков: пою и пью, священные лики изображаю и ежечасно грешу: чем не сумасшедший [...]» [LESKOV 1957, 430].

Сочетание в русском человеке таких противоположных качеств вызывает у писателя часто негодующее удивление: как все это уживается рядом. Его произведения разрушают трафаретные представления о якобы неизменных, врожденных качествах человеческого характера, особенно характера русского человека и в целом — народа, внутренняя природа которого, по его мнению, стороннему наблюдателю покажется хаотичной (лишенной немецкой «прагматичности», американской «предприимчивости», шведской, финской «законности» и т. д.) и не может быть определена одним словом.

В «Монашеских островах на Ладожском озере» Лесков восклицает: «Боже мой! Боже мой! Что мы за необыкновенный народ! И кто, какой чужеземец может нас знать и понимать и отводить нам место и значение? [...]» [LESKOV 1874, 219]. Ответ на этот вопрос писатель находит в христианской антропологии, здесь и следует искать истоки концепции праведности 60–70-х гг.

Идя от частного к общему, путем опытного постижения «русской природы», Лесков, глубокий знаток жизни не только двух русских столиц, но и провинции, находит объяснение сложной контаминации разнообразнейших качеств русского человека в православии. Конфессиональные особенности, по мысли автора, налагают свой специфический отпечаток на весь духовный строй человека. Русский для него — плохой образчик соблюдения «света христианского учения», однако в силу «утробной» близости к нему Бога, он, как

никто иной, способен к покаянию, быстро, «как тесто на опаре», преобразаться, совлекая с себя «ветхого человека»: «[...] мне в них все-таки то дорого, что им все дурное в себе преодолеть и исправить ничего не стоит; мне любо и дорого, что они как умственно, так и нравственно могут возрастать столь быстро, как никто иной на свете. Сейчас он такой, а глазом не окинешь — как он уже и перекинется, — и пречудесный [...] Сегодня стяжатель и грешник — завтра все всем воздал с лихвою и всем слуга сделался; сегодня блудник и сластолюбец — завтра постник и праведник [...]» [LESKOV 1958, 49].

Большинство произведений художника 60-х и в особенности 70-х гг. не случайно поэтому посвящены описанию многих характерных для русского человека «удивительных поворотов жизни».

Содержание очерка *«Воительница»* (1866 г.) (часто рассматриваемого главным образом с отвлеченно-эстетической точки зрения — как мастерская зарисовка «поклонения золотому тельцу» в «век без идеалов, без чаяний и надежд, век медных рублей и фальшивых бумаг» [PISEMSKIJ 1873, 567]) позволяет утверждать, что в нем автор представляет логику развития праведнического характера главной героини, петербургской кружевницы Домны Платоновны («воительницы»). Как узнаем из очерка, «столица волшебная преобразила нелепую мценскую бабу» в «наивно-лукавую сводницу», «ради нескольких рублей торгующую чужим телом» [LERNER 1910, 224]. Помимо своих прямых обязанностей — продажи кружев, она «обделывала самые разнообразные делишки: сердечные, карманные и совокупно карманно-сердечные и сердечно-карманные» [LESKOV 1956, 152]. Лицезрея живую Домну Платоновну, Лесков словами рассказчика (от первого лица) удивляется сочетанию в русском человеке, казалось бы, несоединимых начал: «Хотелось знать, какова была та благословенная купеческая семья... в которой... выросла этакая круглая Домна Платоновна, у которой и молитва, и пост, и собственное целомудрие, которым она хвалилась, и жалость к людям сходились вместе с сватовскою ложью, артистическою склонностью к устройству коротеньких браков не любви ради, а ради интереса, и т. п. [LESKOV 1956, 191]. Тупая и страшная сила «петербургских обстоятельств» делает из простой орловской бабы «тирана», «воительницу». Одновременно этой-то воинственности в силу феноменологии русского духа не суждено продолжаться вечно. Домна Платоновна, преуспевающая коммерсантка на «живом» товаре, в начале очерка совсем не похожа на своего отдаленного двойника в конце. Общие между ними лишь имена. Все же остальное поменялось до неузнаваемости. Автор находит ее по прошествии нескольких лет в одной из временных тифозных больниц, где в лице «старшей», «женщине с отцветшим лицом и отвисшими мешками щек у челюстей», узнает свою бывшую приятельницу. Вся Домна Платоновна как-то

«осунулась», «лицо поблекло», вместо «просторной квартиры с каморкой для «свежепривозных молодых «дамок»» героиня сама ютится в каморке, в немислимых для нее ранее условиях: «Каморочка сырая, ни мебели, ни шторы, только койка да столик с самоваром и сундучок крашенный» [LESKOV 1956, 218]. Изменилось и умонастроение бывшей «воительницы». На вопрос повествователя, «как вы здесь?», отвечает: «Бог так велел». И, что самое важное, — изменилась деятельность героини. «Решилась я...своей торговли», — отвечает она на вопрос «что ж ваша торговля?». Если раньше она торговала кружевами и «свежепривозными» девицами, то теперь предмет ее чайный совершенно иной: «[...] вот моя торговля: землю продать, да небо купить» [LESKOV 1956, 218]. С таким умонастроением спустя два месяца после встречи героини и рассказчика в больнице «Домна Платоновна вдруг окончила свою прекратительную жизнь. Умерла она от быстрого истощения сил» [LESKOV 1956, 221].

Процесс «укрощения» «воительницы» повторяет духовная метаморфоза «благородной швейцарки Любы», «испившей горькую чашу жесточайших страданий» и оказавшейся в «бедном женском монастырьке... далеко еще не в преклонных годах» («Эта милая, чистая сердцем старица... была настоящий ангел кротости и милосердия») [LESKOV 1957, 277], «антика в пестрой ливрее» — Павлина Петрова Певунова, ставшего на «спасенный путь» «духовного труженика», приведшего его на один из монашеских островов Ладожского озера («Павлин»).

Вереница героев-праведных, могущих сказать о себе словами, не случайно взятыми эпитафией к «Воительнице» «Вся жизнь моя была досель / Нравоучительной школой, / И смерть есть новый в ней урок» (Ап. Майков), продолжается в 70-х гг. в «Разнохарактерных potpourri из пестрых воспоминаний полинявшего человека [...]» («Смех и горе»). Князь Одоленский, когда-то отличавшийся неукротимым самодурством, заставлявший священников хоронить его борзых собак и поклоняться золотому тельцу, в силу неотвратимых «удивительных поворотов жизни» обращается к христианскому смирению. и неожиданно для знакомых и родных, и, пожалуй, для самого себя уходит монахом в пустынь, в старости умирает в схиме. [KOSYCH 2007, 227–232].

«Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» вновь представляют праведническую характерологию: герой снова выходит на одну и ту же «торную дорогу, к глубочайшему раздору с собою и с миром», от которых его скрывают «черная мантия и воскрылия клобука... — духовного шлема» [LESKOV 1957, 436]: «Поздно вижу я, что искал света и тепла там, где только был один заводящий в трясину блеск, и что вместо полной чаши, которую я хотел выпить, я «вкушая вкусил мало меду и се аз умираю»» [LESKOV 1957, 280–281].

Таким образом, герои рассмотренных произведений при всей разнице социального статуса, общественного положения и проч. тождественны и образуют единую группу героев-праведников в этот период творчества. Основная цель преображенной купчихи Домны Платоновны, князя Одоленского, ставшего впоследствии схимником, о. Гордия как нельзя лучше и яснее выражена словами «укрощенной» «воительницы»: «землю продать, да небо купить». С этой целью они совершают непонятные в обыкновенной житейской практике поступки: или становятся на путь деятельного служения людям, или же покидают мир анахоретами. До определенного времени они вели «испорченную жизнь», в которой все ими испытанное и прожитое представляется после «блудящими огоньками», мерцающими над болотом и заводящими прямо в трясины. «Душевной слепотой» обуреваемы праведники Лескова произведений этого периода. Они, как «странные путники», бодрые и неудержимо стремящиеся вперед, но беспрестанно теряющие из-за своей слепоты тропу, не знают, куда идти. Прозрение дарует им «духовное око», повергающее их в «глубочайший раздор с собою и с миром».

Фактическая причина их преображения в каждом отдельном случае отлична: от неразделенной любви и до непреднамеренного убийства. Однако героями этот поворотный момент всегда воспринимается как «исполнение предначертаний Промысла, ищущего каждой заблудшей овцы». Через покаяние и духовное преображение, наступающих ввиду уже недалекого предстояния на высшем суде, праведники обретают «новую» жизнь, «спасенный путь», ведущий, как правило, за монастырскую ограду. Общее в характерологии праведных 60–70-х гг. заключается именно в наличии какого-нибудь «удивительного поворота жизни», когда он «сегодня стяжатель и грешник — завтра все всем воздал с лихою и всем слуга сделался; сегодня блудник и сластолюбец — завтра постник и праведник» [KOSYCH 2007, 230].

Праведников Лескова периода 60–70-х гг. трудно отнести к разряду «новых людей» (Н. Г. Чернышевский), новых героев писателей демократов-шестидесятников, еще более невозможным представляется причисление их к положительным типам русского человека. Все они далеки от всякого эталона положительности. Их жизнь не только не озаряется высоконравственными поступками, но зачастую пестрит делами, выступающими за пределы элементарной нравственности. Излеченные от духовной слепоты, герои никогда не говорят о себе иначе как о «великих грешниках», искупающих безрассудства своей прежней, «погибшей» жизни.

Исходя из этого, целесообразно уточнить значение такого понятия, как «лесковская концепция «положительно-прекрасного» человека». В сравнении с 80–90 гг. такая номинация в период 60–70-х гг. наименее возможна. В это время

писатель рисует не идеальные образы («без пятна и упрёка») своих праведных (или, по его определению, «христиан»), а всевозможных мытарей и блудниц, стоявших некогда «вблизи креста честного», стяжателей и сластолюбцев — грешников, способных быстро как умственно, так и нравственно «всходить вверх, как тесто на опаре». Поэтому-то представляется предпочтительной номинация художественной концепции Лескова 60–70-х гг. как «концепция праведности» без экспрессивно-оценочных компонентов значения. К его праведникам как нельзя лучше подходит определение, данное писателем для «поповки» романа-хроники *«Соборяне»* — «герои старомодного покроя».

Идя «против течений», писатель всем своим творчеством систематически и целенаправленно доказывает право на существование своих «героев старомодного покроя» в современный век, «век, сам себя стыдящийся, век прозы, вздыхающий о поэзии и отметающий ее, — век, издевающийся над тем, чему бы хотел поклоняться» [LESKOV 1876, 130]. Именно они, по мнению писателя, отличающиеся способностью к быстрому умственному и нравственному развитию, ищущие «целенья ранам сердца под кровом жесткой власяницы», продолжают вековую традицию «спасенного пути» и наиболее полно репрезентируют русского человека.

Важное значение для творчества Лескова 60-х–70-х гг. приобретает идея «странничества», выраженная эпитетом «странный», номинирование героев словами «странник», «путник», «путимец» и т. д. Все праведники Лескова с того момента, когда «на душе остро становится», подвержены странничеству: меняют свой прежний образ жизни, бросают все, что ранее было дорого сердцу, «пропадают для мира». Сила Иванович Крылушкин, герой повести *«Житие одной бабы»* (1863), в годы своей молодости вел греховную жизнь, «вел свою торговлю, а потом, схоронив на тридцатом году своей жизни жену, которую, по людским рассказам, он сам замучил... прекратил все торговые дела, запер дом и лет пять странничал. Он был в Палестине, в Турции, в Соловках, потом жил с каким-то старцем в Грузии [...]» [LESKOV 1956, 321]. Под старость все «его совсем забыли попрекать женою [...] Все ему кланялись, в лавках ему подавали стул, все верили, что он «святой человек, божий»» [LESKOV 1956, 322].

Не случайно поэтому в рассказе *«Путимец»* писателем разрабатывается антиномия «странник — путимец». *«Путимец»* «до старости подлецом дожил», но в силу удивительной способности быстро (как умственно, так и нравственно) всходить вверх «перекидывается», кается и «в старости своей достигает» все то, что было упущено в годы «путимской» жизни. Чем больше «погибшей жизни» и чем позднее наступает для путимца момент душевного озарения, тем большие подвиги требуются от «странника», искупающего грехи своего прошлого.

То, что неподвижно, инертно, по мысли Лескова, лишено жизни в том смысле, что «духовная слепота» помрачает помыслы ума. Странничество и путничество для христианской антропологии — важная ступень в богоуподоблении человека: «Удрученный ношей крестной / Всю тебя, земля родная, / В рабском виде Царь Небесный / Исходил благословляя» (эпиграф к книге *«Русские богоносцы»*). Ввиду того, что «странничество есть отлучение от всего, с тем намерением, чтобы сделать мысль свою неразлучною с Богом» [LESTVIČNIK 1996, 49], ко всем «странным» героям-праведникам Лескова 60–70-х гг., носителям «покаянной» характерологии, как нельзя лучше подходят слова «странника» из *«Откровенных рассказов странника духовному своему отцу»*: «Я по милости Божией человек-христианин, по делам великий грешник, по званию бесприютный странник, самого низкого сословия, скитающийся с места на место» [*Откровенные рассказы...* 1995, 7]. Самый известный из странников-праведников Лескова — «очарованный странник» — о. Измаил. «Странность» как синоним «способности к духовному преображению» выносится писателем на первый план, в заглавие произведения.

Таким образом, герои 70-х гг. репрезентируют житийный архетип, логику развития покаянной характерологии, а не «последовательно этическую житейскую ориентацию», подтверждением этого служат созданные автором многочисленные образы монахов, схимников, пустынников и т. д., стремящихся «землю продать, да небо купить».

Начиная с 80-х гг., с постепенным отходом Лескова от православной церкви, в его «художественной проповеди» происходит «обмирщение» праведника. Место людей «старомодного покроя» в этот период занимают «современные» герои. Праведниками становятся не мыслимые ранее персонажи: городничий (*«Одnodум»*, 1879), мелкопоместный дворянин — распорядитель в исполнении публичных телесных наказаний (*«Пигмей»*, 1876), эконо́м, директор и одновременно генерал-майор кадетского корпуса, доктор (*«Кадетский монастырь»*, 1880), действительный статский советник (*«Русский демократ в Польше»*, 1880), меццанин, «продовольствующий интересных особ» — «дворянские гнезда» (*«Несмертельный Голован»*, 1880), воспитанники инженерного училища (*«Инженеры-бессребреники»*, 1887), оружейник (*«Левша»*, 1881), рядовой солдат (*«Человек на часах»*, 1887), «герой брюха» (*«Шерамур»*, 1879) и т. д.

Мудрость этих героев состоит «в том, чтобы жить праведно, оставшись на своем месте» [CHALIZEV, MAJOROVA 1983, 205]. Их основная черта заключается в «сугубо практической нравственности: проповеди непритязательно простых и обыденных добрых дел» [CHALIZEV, MAJOROVA 1983, 198].

Праведник Лескова 80–90-х гг., по собственному определению писателя, «христианин», вовсе не связанный с какой-либо современной религиозной

конфессией. Он, по мысли автора, продолжает куда более древнюю традицию внецерковного существования христианства первых веков его истории.

Несмотря на отличительные особенности «видимого жития» праведников Лескова 60–70-х и 80–90-х гг., все они, вместе взятые, в представлении автора, составляют одно целое, группу «святых людей». Герои-праведники разной характерологии не раз объединяются их автором в частной переписке и художественных декларациях. В предисловии (1879) к циклу «*Праведники*» писатель прямо заявляет о своем намерении «отмечать всякую (курсив наш. — Г. К.) оригинальную и высоконравственную черту наших простонародных нравов»: «[...] все это надо собрать и потом разобрать: «что тут возвышается над чертою простой нравственности» и потому „свято господу“» [LESKOV 1957, 642–643]. Поэтому под одним и тем же «иконописным титулом» идут и «просто «хорошие люди», совершавшие раньше или позже кое-какие незаметные подвиги», т. е. праведники 80-х гг., и вместе с ними люди «высокого жития» 60-х–70-х.

Таким образом автор «художественной проповеди» «выполнял ту самую задачу, которую считал самой важной для литературы своего времени: укреплять в человеке смутного кризисного времени влечение к идеалу, веру в возможность активно противостоять злу и соединяться друг с другом в служении добру» [STOLJAROVA 2012, 260].

Библиография:

- BURENIN, V. (1888): *Kritičeskije ètjudy. Tipografija A. S. Suvorina*. Sankt-Peterburg, s. 301–302.
- CHALIZEV, V., MAJOROVA, O. (1983): Leskovskaja koncepcija pravedničestva. In: *V mire Leskova*. Moskva, s. 196–232.
- KOSYCH, G. (2007): «Čudo udivitel'nych povorotov» v sud'be gerojev-pravednikov N. S. Leskova 1870-ch godov. In: *Dialog kultur IV. Sborník příspěvků z vědecké konference s mezinárodní účastí pořádané ve spolupráci se Společností Franka Wollmana při FF MU v Brně*. Hradec Králové, s. 227–232.
- LERNER, N. O. (1910): Nikolaj Semenovič Leskov. In: *Istorija ruskoj literatury XIX veka. T. 4*. Moskva, s. 207–229.
- LESKOV, N. S. (1876): Ènergičeskaja bestaktnost': («Narodnyj listok», prostonarodnaja gazeta, izdavajemaja v Moskve pod redakcijej M. M. Dmitrijeva). *Pravoslavnoje obozrenije*, 1876, 5, s. 128–149.
- LESKOV, N. S. (1886): O chudožnom muže Nikite i o sovosпитанных jemu. *Novoje vremja*, 1886, 3889 (25 dek.), s. 1–2.

- LESKOV, N. S. (1880): *Russkije bogonoscy. Religiozno-bytovyje kartiny N. S. Leskova*. Sankt-Peterburg.
- LESKOV, N. S. (1956): *Sobranije sočinenij. V XI t. T. I*. Moskva.
- LESKOV, N. S. (1957): *Sobranije sočinenij. V XI t. T. V*. Moskva.
- LESKOV, N. S. (1957): *Sobranije sočinenij. V XI t. T. VI*. Moskva.
- LESKOV, N. S. (1958): *Sobranije sočinenij. V XI t. T. XI*. Moskva.
- LESKOV, N. S. (1874): *Zapečatlennyj angel. Roždestvenskij rasskaz; Monašeskije ostrova na Ladožskom ozere. Putevyje zametki*. Sankt-Peterburg.
- LESTVIČNIK, I. (1996): *Lestvica, vozvodjaščaja na nebo*. Moskva.
- Otkrovennyje rasskazy duchovnomu svojemu otcu*. (1995). Minsk.
- PISEMSKIJ, A. (1883): Vaal. Drama v četyrech dejstvijach. *Russkij vestnik. Žurnal literaturnyj i političeskij*, 1873, 4. s. 482–567.
- POSPÍŠIL, I. (2015): Jukstapozicionnaja poëtika N. S. Leskova (konstruovanije obraza pravednika, skazovo-anekdotičeskaja cep', èkzotizmy i obrazy inostrancev). In: *Na forpostach teorii i istorii klassičeskoj ruskoj literatury*. Siedlce, s. 129–136.
- STOLJAROVA, I. V. (1978): *V poiskach ideala (Tvorčestvo N. S. Leskova)*. Leningrad.
- STOLJAROVA, I. V. (2012): *Na puti k preobraženiju: čelovek v proze N. S. Leskova*. Sankt-Peterburg.
- VVEDENSKIJ, A. I. (1890): Sovremennye literaturnye dejateli. II. Nikolaj Semenovič Leskov. *Istoričeskij vestnik. Istoriko-literaturnyj žurnal*, 1890, 5, s. 393–406.

About the author

Galina Kosych, University of Hradec Králové, Faculty of Education, Department of Russian Language and Literature, Hradec Králové, Czechia, galina.kosych@uhk.cz

